

**За пределами *more geometrico*: лакановская топология и переосмысление
трансцендентальной эстетики**

Научный руководитель – Кузнецов Василий Юрьевич

Трофимов Кирилл Андреевич

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра онтологии и теории познания, Москва, Россия

E-mail: prof.kir@mail.ru

More geometrico – метод геометрического доказательства, смоделированный по образцу евклидовых «Начал» и канонически систематизированный Спинозой в «Этике», – исторически занимал двойственное, но решающее место в философских притязаниях на безупречную строгость. От картезианской аналитической геометрии до «Трансцендентальной эстетики» Канта в основе как эпистемологического фундаментализма, так и метафизики субъекта лежало допущение о том, что пространство представляет собой прозрачную и самоочевидную среду.

В данной статье утверждается, что обращение Жака Лакана к топологии представляет собой последовательную и философски значимую критику этой традиции. Это не просто методологический сдвиг в рамках клинической теории, а радикальная интервенция на уровне онтологии и теории познания.

Отправной точкой служит насыщенный пассаж из поздних семинаров Лакана, проанализированный в книге Уилла Гриншилдса «Writing the Structures of the Subject: Lacan and Topology, 2017». В нем Лакан прямо определяет *more geometrico* как источник «ложных образов» (*images fallacieuses*). Рассматривая декартову систему координат, Лакан замечает: тот факт, что три оси (x , y , z) кажутся интуитивно применимыми к борромееву узлу (топологическая фигура, согласно Лакану, соответствующая структуре субъекта), и есть главная иллюзия. Декартовы координаты, настаивает он, «подразумевают поверхность как изначально существующую» – они создают обманчивое впечатление, что плоскость представляет собой пустую предзаданную сцену, на которой разворачиваются события. Именно из этой пресуппозиции плоскости как абсолютной данности и стабильности черпает свою силу вся традиция классического геометрического доказательства.

Борромеев узел, напротив, не может быть сведен к планиметрии; он требует неориентируемой, неевклидовой топологии, в которой поверхность выступает не как базовый элемент (геометрический примитив), а как топологический эффект. Иными словами, пространство не существует до узла: сама поверхность является не фоном, а структурным эффектом, порождаемым исключительно актом сплетения колец.

Данная критика обретает свою полноценную значимость в противопоставлении «Трансцендентальной эстетике» Канта. Для Канта пространство и время функционируют как априорные формы чувственного созерцания: пространство как чистая форма «внешнего чувства», время – «внутреннего». Они не выводятся из опыта, но составляют сами условия его возможности. Евклидов характер кантовского пространства – его однородность, бесконечная делимость, самоочевидность для интуиции – не случаен; он встроен в саму структуру трансцендентального субъекта.

Однако Лакан в Семинаре XIV заявляет, что «трансцендентальная эстетика сегодня должна быть переосмыслена». Опираясь на анализ Адриана Джонстона, Гриншилдс показывает: фрейдовское открытие бессознательного лишает кантовские априорные формы их универсальности. Бессознательное работает в собственной пространственно-временной логике

(через вытеснение, сгущение, смещение, работу сновидения, симптом), которая совершенно игнорирует границы между «внутри» и «снаружи», линейность времени и когерентность евклидова пространства, характерные для сознательного опыта. Критика здесь не просто эмпирическая (якобы бессознательное случайно нарушает пространственную интуицию), но трансцендентальная: если бессознательное доказывает, что сознательный опыт – это не вся психическая жизнь, то кантовское априори теряет право на универсальность. Лакан радикализирует эту мысль, утверждая, что наша интуиция евклидова пространства не нейтральна, а имеет всецело воображаемую природу. Это проекция образа тела на мир – то, что в лекции в MIT Лакан назвал «птолемеевским мировоззрением». Проходя стадию зеркала, человек абстрагирует иллюзию собственной целостности от поверхности своего тела, производя «хорошую форму» (*bonne forme*, идеальный гештальт) в виде сферы. Затем этот образ проецируется вовне: субъект конструирует свое первичное восприятие мира как некоего обволакивающего и вмещающего мешка. Таким образом, гладкая сфера с ее четкой границей между внутренним и внешним – это не геометрическая константа, а иллюзорный продукт регистра Воображаемого. Эго-психология, которую яростно критиковал Лакан, стала для него теоретическим симптомом этого сферического мировоззрения: она ошибочно приняла воображаемую связность Эго за подлинную структуру субъекта.

В противовес этому, Лакан предлагает топологию – в частности, неориентируемые поверхности (ленту Мёбиуса, тор, кросс-кап) и теорию узлов (борромеев узел). Там, где классическое *more geometrico* исходило из аксиом о точках и линиях на предзаданной поверхности, топология Лакана исходит из структуры самого означающего.

Например, лента Мёбиуса не репрезентирует субъекта посредством наглядной метафоры. Она буквально пишет (от «écriture») его структуру. Топология в психоанализе – это не дидактическая иллюстрация, а формализация, которая сама производит свой объект (внутреннюю расщепленность субъекта, его несовпадение с самим собой, отсутствие такого «внутри», которое не было бы одновременно «снаружи»), а не просто описывает некую предшествующую ей реальность.

Эпистемологические выводы:

1. Критика *more geometrico* влечет за собой демонтаж эпистемологического фундаментализма: поверхность знания не дана изначально, она конституируется структурой.
2. Происходит трансформация формализма: переход от метрических отношений к структурным (связность, ориентируемость).
3. Ставится под вопрос любая эпистемология, принимающая евклидову наглядность за эталон ясности, что ставит под подозрение пространственные метафоры аналитической традиции как наследующие регистру Воображаемого.

Источники и литература

- 1) Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. О. Лосского.
- 2) Лакан Ж. Семинары. Книга 11: Четыре основные понятия психоанализа (1964) / Пер. с фр. А. Черноглазова. М., 2004.
- 3) Лакан Ж. Семинары. Книга 20: Ещё (1972/73) / Пер. с фр. А. Черноглазова. М., 2011.
- 4) Спиноза Б. Этика / Пер. с лат. Н. А. Иванцова // Спиноза Б. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М., 1957.
- 5) Bursztein J.-G. The Topological Transformation of Freud's Theory / Trans. M.-L. Bromley-Davenport. London, 2016.
- 6) Greenshields W. Writing the Structures of the Subject: Lacan and Topology. Cham, 2017.

- 7) Johnston A. Time Driven: Metapsychology and the Splitting of the Drive. Evanston, 2005.
- 8) Lacan, J. The Seminar, Book XIV, The logic of fantasy, 1966-1967. Session of 16 November 1966. Unpublished transcript.
- 9) Lacan J. The Seminar, Book XXIII: The Sinthome (1975–1976) / Trans. A. Price. Cambridge, 2016.